

«В СТАВРОПОЛЕ»

Рассказ Г. А. Лопатина в записи Амфитеатрова

Публикация и комментарии Е. Г. Коляды

Печатаемый текст¹ представляет собой неполную черновую запись одного из устных рассказов Лопатина, сделанную Амфитеатровым.

После встречи с Лопатиным в конце 1909 г. Горький, как это видно из его переписки с Амфитеатровым, напоминал ему о необходимости записывать устные рассказы Лопатина. Один из небольших рассказов о шлиссельбуржцах Амфитеатров передал Горькому в письме от 2—5 февраля 1911 г. Эти записи Амфитеатров вел систематически (о чем есть свидетельство в его письмах², но их местонахождение неизвестно).

Публикуемый рассказ Лопатина относится ко времени его пребывания в ставропольской ссылке (1869 г.). Ссылка в Ставрополь — один из сюжетов устных рассказов Лопатина на Капри. Об этом свидетельствует запись в Дневнике К. П. Пятницкого, озаглавленная «Ссылка в Ставрополь Кавк<азский>» (см. в наст. томе «Из Дневника Пятницкого»). К сожалению, Пятницкий очень коротко изложил содержание рассказа, но первые две строчки его записи: «Как избавился от этапа. Спутникам-жандармам позабыли дать маршрут...» — имеют прямое отношение к публикуемому тексту.

Рассказ, записанный Амфитеатровым, начинается с того момента, когда Лопатин, избавившийся от этапа (т. е. от следования к месту ссылки в партии арестантов, сопровождаемой конвоем), был отправлен на тройке в сопровождении жандармов.

Первоначальное название рассказа «Побег» — вычеркнуто и заменено другим: «Первый побег Германа Лопатина». Судя по названию, предполагался рассказ Лопатина о его побеге из ставропольской тюрьмы в январе 1870 г. Но как раз об этом событии ничего в записи не сообщается. Рассказчик начал с предыстории побега — с приезда в Ставрополь, подробно остановившись на одном из эпизодов своей служебной деятельности в должности чиновника особых поручений при губернаторе. Но и этот эпизод оказался незавершенным: запись обрывается на полужразе.

Непосредственно под заголовком Амфитеатров сделал (после 1918 г.) поясняющую приписку черными чернилами: «Записаны под диктовку покойного Г. А. Л(опатина)». Эта приписка не точно передает характер записи. В начале рассказа, до фразы: «Некоторые эпизоды из службы Лопатина при Властове настолько интересны, что жаль было бы о них умолчать», повествование ведется в третьем лице, как бы со слов Лопатина самим Амфитеатровым; в характеристику отношений губернатора Властова с Лопатиным вводятся определения, которые не могли принадлежать Лопатину («огромный талант житейской логики» и др.). Самый же эпизод поселения эстонцев записан Амфитеатровым если не под диктовку (невозможно представить Лопатина, диктующего свои устные рассказы!), то с максимальным приближением к его устной речи. В этой части рассказа ведется от имени Лопатина.

Приведем свидетельство Лопатина об обстоятельствах его жизни в Ставрополе, нашедших отражение в публикуемом рассказе. В письме М. Ф. Негрескулу между 15 и 17 сентября (1869 г.), которое послужило непосредственным поводом к аресту Лопатина, так как попало в руки полиции, Лопатин, сообщая о своем намерении бежать из ссылки, обстоятельно характеризует свою жизнь в Ставрополе. Письмо позволяет уточнить также и время поездки Лопатина к поселенцам-эстонцам: начало сентября 1869 г.

Лопатин писал Негрескулу: «Хотел послать Вам, М(ихаил) Ф(едорович), второе письмо тотчас после того, как послал первое, да вот до сих пор не собрался.

Дело в том, что за это время я опять ездил в командировку (поселял эстонцев), из которой вернулся на днях и застал дома Ваш ответ на мое первое письмо». Далее Лопатин писал: «Заметьте, что меня очень любит губернатор и, судя по внешности, уважает мои мнения и мой образ действий. Когда я выезжаю в уезд, в моем предписании значится — «предписывается г.г. исправникам, становым приставам и прочим чинам земской полиции беспрекословно исполнять всякое распоряжение такого-то». Но одновременно замечал, что его служба сопровождается большим числом доносов на него. «Итак,— заключал Лопатин,— Вы видите, насколько возможна в провинции полезная деятельность в сколько-нибудь широких размерах, особенно для нашего брата „ссылкопоселенца“ <...> Далее, работа по службе мне опротивела до омерзения. Думать, что она будет продолжаться в будущем на неопределенное время — для меня невыносимо! А одна мысль о том, что я могу со временем быть правителем канцелярии или чем-нибудь подобным, может заставить меня повеситься от отчаяния и ужаса и таким образом очистить это место для следующего за мной кандидата»³.

В объяснении Лопатина по поводу его письма к Негрескулу, сделанном по требованию жандармского офицера, говорилось: «...подчеркнуты слова: „ездил в командировку (поселял эстонцев)... и пр.“ — слова эти мне кажутся совершенно понятными и ясными. Ответ об этой служебной командировке представлен мною своевременно г. начальнику губернии» — и далее, по другому поводу: «Очень может быть, что здешнее общество — во всех отношениях прекрасное общество, но мне оно казалось скучным, потому что я привык прежде постоянно жить в обществе молодежи, жадно следящей за наукой и искренне волнующейся успехами прогресса во всех областях жизни. Очень может быть, что занятия чиновника особых поручений при губернаторе — очень интересные, очень полезные занятия, но мне, к сожалению, они не казались ни особенно интересными, ни бог знает какими полезными. Я старался добросовестно исполнять принятые на себя обязательства, но не переставал чувствовать себя на коронной службе совершенно не в своей тарелке. Но главное — я совершенно не привык и не желал долее сидеть в Ставрополе, как собака на цепи, лишенный права свободно располагать собою и не стесняясь высказывать свой образ мыслей»⁴.

Еще одно свидетельство — автобиография Лопатина 1906 г., написанная им в третьем лице: «Просидев 8 месяцев в III отделении и Петропавловке, Лопатин был выслан с жандармами в г. Ставрополь, с предписанием местному губернатору определить его на службу при своей канцелярии. Это было *последним* случаем административной ссылки *в этой форме*, прежде довольно частой (Герцен, Салтыков и мн. др.). Губернатор совсем не теснил своего подневольного чиновника по особым поручениям, так что тот, в продолжение своего годичного пребывания на этом месте, успел даже сделать кое-что полезное: напр., преобразовал местную общественную библиотеку, сделав ее сборным просветительным центром для местной прогрессивной учащейся молодежи, а главное, поднял и провел вопрос о замене в Ставропольской губернии общинно-захватного крестьянского землевладения <...> общинно-передельным, и притом не по чиновничьим канцелярским указаниям, а по постановлениям сельских и волостных сходов (очень бурных)»⁵.

Материалы своей служебной деятельности в Ставрополе по землеустройству крестьян Лопатин обобщил также в статье «Очерк заселения свободных земель пятигорского уезда, оставшихся после ушедших в Турцию ногайцев», написанной летом 1869 г. Характеризуются в этой статье и переселенцы-эстонцы⁶.

Упомянутые печатные свидетельства не заслоняют интереса публикуемой нами рукописи. В ней выразительно переданы черты личности Лопатина, непринужденная манера его устной речи, умение характеризовать людей в живом диалоге. Особая ценность этого рассказа — в изображении отношения Лопатина к крестьянам, его понимания их нужд, высокой уважительности к их требованиям («земля их, стало быть, и выбор — их»).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦГАОР, ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 25. Оригинал — четыре больших листа в линейку, исписанных простым карандашом с правой и рядом пропусков в тексте. На первом листе штамп: Русский заграничный исторический архив. Прага.

Неполный текст этого рассказа (без указания на то, что его запись была сделана Амфитеатровым) приводится в кн.: Давыдов Ю. В. Герман Лопатин: Его друзья и враги. М., 1984. С. 21—23.

² Давыдов Ю. Судьба архива Германа Лопатина // Лит. газ. 1974. № 32. 7 авг.

³ Лопатин. С. 44, 46, 48.

⁴ Там же. С. 57, 60.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Сборник статистических сведений Ставропольской губернии. Ставрополь, 1870. Вып. I, III. С. 13—48. «Сборники статистических сведений» издавались ставропольским губернским статистическим комитетом, председателем которого был Г. К. Властов, а непрямым членом — отец Г. А. Лопатина — управляющий Казенною палатою статский советник А. Н. Лопатин.

Большие выдержки из статьи Лопатина напечатаны в кн.: Харченко Л., Винклер А. Мятёжная жизнь. 2-е изд., испр. и доп. «Ставрополь», 1979. С. 52—65. Авторам книги принадлежит атрибуция этой статьи (подпись под статьей: Л.).

Первый побег Германа Лопатина

В <1869> году, после долгого содержания в Петропавловской крепости по прикосновенности к каракозовскому делу¹, Герман Александрович Лопатин был выслан из Петербурга к родителям, в Ставрополь, с обязательным определением на службу при губернаторе. Так во время оно высылали под административный надзор многих политических дворянского происхождения: Герцен, «Салтыков и ми. др.)² прошли мытарство насильственной службы в губернаторских чиновниках по особым поручениям. Герман Александрович был исторически последним, претерпевшим эту странную исправительную меру: после него сыльная бюрократия была отменена. «Должно быть, уж очень хорошо наслужил!»

Отправлен был Г. А. в Ставрополь, конечно, по-старинному: на некрасовской. «Еще Тройке»³ — в тележке с жандармом. По приводе очутился под тремя надзорами: родительским, полицейским и служебным. К счастью, все три оказались не тяжёлыми. Губернатором в Ставрополе был тогда Г. К. Властов — человек образованный, даже ученый. Впоследствии он получил известность как богослов, церковный историк и археолог: автор «Толковой Библии», «Теогонии Гесиода» и тому подобных трудов⁴. Г. А. Лопатин сохранил о нем самые хорошие и благодарные воспоминания. Властов умел понять своего нового чиновника по неволе и пользовался им по службе благородно и с тактом. От скуки всякого служебного представительства и встреч не по характеру избавлял его настолько, что, бывало, сам предупреждал:

— Герман Александрович, на днях через Ставрополь проезжают великие князья... Так вам бы, может быть, заболеть на это время? И Г. А. Лопатин — заболел — никому не в обиду, так как другие чиновники особых поручений, наоборот, очень любили назначения к высокопоставленным гостям: эта служба создает полезные знакомства, открывает протекции и карьеры.

За это Властов усиленно пользовался Лопатиным как чиновником с пером во всех делах, требовавших литературно убедительного изложения, и в разнообразных посылах в губернию по земельным спорам. Не потому, чтобы Лопатин был знаток: по этой части. Напротив, как натуралист по образованию⁵, Герман Александрович в то время никакого права еще и не нюхивал и, как мы ниже увидим, даже отношения общинного землевладения только именно в Ставрополе постиг и практически им интересовался. Но Властов разобрал в Лопатине огромный талант житейской логики: способность разбираться в людях, спокойно и доброжелательно доходя до самой глубины их отношений, тонкое умение понять до точности жалобщика и ответчика и найти для обоих справедливый выход по душам и по здравому смыслу. Эти качества Лопатина, впоследствии сделавшие Германа Александровича «генералом от революции», как назвал его «генерал от полиции», пресловутый П. Н. Дурново⁶, много послужили на благо Ставропольской губернии в эпоху:

крестьянской реформы. Некоторые эпизоды из службы Лопатина при Властове настолько интересны, что жаль было бы о них умолчать.

— Властов верил мне совершенно, — рассказывал Герман Александрович. — Бесправный слышный под тремя надзорами в Ставрополе, в уезд я отправлялся с личными предписаниями от губернатора ко всем местным властям — оказывать мне всякое содействие и быть в моем распоряжении. Конечно, подобных предписаний он на официальных бланках не давал, а — вырвет из записной книжки листок, да и напишет. Такая цедулка сплошь губернаторским почерком действовала, пожалуй, лучше казенной бумаги. Человек Властов был доброжелательный, народ любил так, что почти все мои доклады немедленно превращались в преобразовательные проекты и проходили в Петербурге чрезвычайно успешно. Мы успели провести <далее две строки пропущены> и почти уже наградили Ставропольскую губернию земством⁷, но — меня арестовали как раз в то время⁸, как я составлял доклад о необходимости ввести к нам земскую реформу.

Помню, однажды Властов командировал меня разобрать замешательство между переселенцами из Прибалтийского края⁹, которые на полученном ими участке земли отказывались строиться там, где указывало местное начальство. Выезжая, я решил на всякий случай захватить с собою землемера. Властов, конечно, разрешил и послал меня к губернскому землемеру, чтобы тот отправил со мною одного из своих помощников. Губернский землемер видит, что я в штатском платье, одет не пышно, и начал ломаться: отказал мне, — у меня, дескать, все люди разобраны, некого послать. Возвращаясь к Властову, рассказываю, — тот вспыхнул. — А? Так?.. Немедленно катает предписание: губернскому землемеру такому-то сопровождать чиновника особых поручений лично и состоять в его распоряжении. Бедный землемер света не взвидел. Взметался, встосковался, — ехать ему смерть не в охоту, а надо, — и все просил, чтобы хоть не на перекладной, а в его собственном тарантасе.

Приехали на место. Переселенцы — эсты и латыши. Народ бедный, но сразу видно, что культурный. Учителя с собою привезли. Говорит по-немецки и немножко по-русски. Дело о нежелании строиться мы покончили быстро, потому что от переселенцев власти требовали совершенного вздора. Эсты желали строиться на горе, а им приказывали — нет, стройтесь под горою. А там — болото, лихорадки. Зачем это было нужно — неизвестно. Вероятно, хотели сорвать с переселенцев взятку, а может быть, просто самодурствовали. Разумеется, я разрешил переселенцам от имени губернатора селиться, где они найдут для себя удобнее: земля — их, стало быть, и выбор — их. Объясняясь с переселенцами, я держал в руках план местности. Вот тут-то я и увидал, насколько культурны были эти люди. Они смотрели на карту и что-то тихо ворчали по-своему.

Учитель обращается ко мне:

— Они просят, чтобы вы положили карту по натуре.

— Что это значит — по натуре?

Оказывается: так, чтобы страны света на карте представлялись глазам в строгом соответствии тому, как они действительно определяются в этой местности, по солнцеходу. Мы, когда смотрим на карту, об этом не заботимся, потому что принимаем восток, север, запад, юг по воображению, а крестьянам трудно так следить. Надо разложить карту так, чтобы ее север был действительно север, восток — действительно восток.

Разложил я им карту по натуре. Смотрят, гуляют и опять тихо ворчат между собою по-эстонски.

— В чем дело?

— Говорят, что если так, то им отмежевали неверную границу. Карта показывает ее гораздо дальше, чем теперь имеет участок.

— Покажите.

Показали. Вижу: действительно, длинный клин земли исчезает во владениях азиатских князей каких-то.

— Хорошо, — говорю, — значит, проверим размежевку астроябией¹⁰. Землемер мой и без того зол: увез я его невесть куда, насильно, надоело ему, домой, к жене хочется, а тут еще плетись с астроябией землю мерять. Встал на дыбы:

— У нас этого нет в предписании, чтобы землю перемеривать!

— А мы все-таки перемеряем.

— Я отказываюсь. Я уеду.

— Можете, но я отправлю с вами пакет к губернатору, который вы потрудитесь ему немедленно передать. А в пакете будет доклад о земельном недоразумении, на которое мы с вами здесь наткнулись. Губернатор поручил мне покончить переселенческие затруднения, а покончить их без проверки размежевки нельзя. Значит, он вас сейчас же пришлет обратно. Вы сделаете двойную дорогу и потеряете вдвое больше времени. А я, чтобы не расходовать казну на лишние прогоны, останусь ждать вас здесь.

Упал землемер духом, струсил, покорился. Дали нам коней — на межу скакать. Седел нету. Привязали тулупы. Поехали верхом на тулупах. Я дал знать азиатам этим, князьям, чтобы прислали своих депутатов: будем проверять границу.

Наставил землемер инструмент свой, взглянул, говорит небрежно:

— Да, есть неточность. Только маленькая.

Я смотрю на план, сличаю с астролябией; вижу, — ромб не тот. Спрашиваю:

— А как маленькая?

— Всего в несколько минут.

По всей вероятности, думал, что на минутах этих я успокоюсь: куда, мол, чиновнику губернаторскому знать, что такое минуты, а звучит безделицей. Но я еще не так давно гимназистом-то был, и астролябия у меня в памяти крепко сидела.

— Как, — говорю, — в несколько минут? Да ведь это значит если здесь, у вершины угла, сажень, то — во сколько же эти минуты ваши разойдутся к концу плана? Замолчал. Понял, что имеет дело не с малым несмысленком. Двинулись мы на промерку — простую, без цепей, ходом по меже. Вы знаете, что межевые знаки бывают двух родов: внешние и тайные. Внешние при захвате уничтожить или испортить легко: столб повалить, канаву засыпать. Но на тайные надо секрет знать, потому что это глубокие ямы, в которых зарыты не гниющие вещества: камень, уголь (не закончено. — *Ред.*)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Неточность: по «делу Каракозова» Лопатин был помещен в Петропавловскую крепость в 1866 г., где содержался более двух месяцев. В Ставрополь же Лопатин был выслан после ареста по делу так называемого «Рублевого общества».

² Пропуск текста восстанавливается по автобиографии Лопатина 1906 г. (см. выше). А. И. Герцен был арестован в 1834 г., выслан в Пермь, а затем в Вятку, где служил в канцелярии губернатора. М. Е. Салтыков-Щедрин был выслан в Вятку в 1848 г., служил старшим чиновником особых поручений при губернаторе.

³ «Еще Тройка» — стихотворение Н. А. Некрасова 1867 г.

⁴ Имеются в виду кн.: *Властов Г.* Священная летопись первых времен мира и человечества etc. Т. 1—5. СПб., 1876—1878. Т. 2—5 хранятся в ЛБГ (*Описание*); *Он же.* Теогония Гезиода и Прометей. СПб., 1897. С пометами Горького хранится в ЛБГ (*Описание*).

⁵ Лопатин окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского ун-та в 1866 г. См. сообщение Ю. М. Раппопорта о диссертации Лопатина «О самопроизвольном зарождении», написанной в связи с окончанием ун-та (Исторический архив. 1960. № 3).

⁶ Петр Николаевич *Дурново* — см.: Из дневника Пятницкого.

⁷ Т. е. выборными органами местного самоуправления. Земские учреждения (земские собрания, земские управы) вводились после земской реформы 1864 г. Сфера деятельности и права земств постоянно урезались правительством.

⁸ Лопатина арестовали в ноябре 1869 г. 6 января 1870 г. он совершил побег.

⁹ В упоминаемой выше статье Лопатина «Очерк заселения свободных земель пятигорского уезда...» характеризуется история заселения северозападной части Пятигорского уезда, между реками Кумою и Калаусом самыми разными народностями: русскими, ногайцами, греками, — тут есть даже и эстонцы, образовавшие верстах в сорока за Калаусом, на границе Кубанской области, поселение Казинку» (*Харченко Л., Винклер А.* Мятежная жизнь. С. 52).

¹⁰ Астролябия — угломерный прибор, служивший для определения горизонтальных углов при земляных работах.